

The background of the book cover is a dark, textured surface, possibly a night sky or a close-up of a rough material. A large, bright yellow rectangle is positioned on the left side, containing the author's name and the title. The text is in a clean, black, sans-serif font.

Михаил Самарский

Роман со
счастливым
концом

Писать – значит
осмеливаться

Михаил Самарский

Роман со счастливым концом

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Самарский М. А.

Роман со счастливым концом / М. А. Самарский —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Писатель Осип Емельянович Воскобойников опоздал на встречу с миллионером Фарбергом Константином Евсеевичем. Миллионер, спеша на самолёт, случайно принимает бродягу-попрошайку Брамса Осипа Емельяновича за настоящего писателя, пообещавшего написать роман, главным героем в котором должен быть Фарберг. До этого Константин Евсеевич общался с писателем только по телефону. Писатель и бродяга оказались полными тёзками по имени-отчеству. Это обстоятельство и предрешило дальнейшие события.

*Михаил Александрович Самарский,
Тел. +7 916 394 26 87
E-mail: ma@samarsky.ru*

Михаил Самарский

РОМАН СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

*Писать – значит осмеливаться.
Эмиль Чоран*

От автора

Выражаю сердечную признательность всем тем, без кого эта книга могла бы и не появиться на свет. За профессиональные консультации адвокату Виолетте Волковой, другу и меценату Алексею Комиссарову, депутату Государственной Думы Сергею Михайловичу Миронову, всегда поддерживающих меня в трудную минуту.

Благодарю за ценные советы переводчиков моих книг Ленни Россловски (США), Фама Ба Тху (Вьетнам), Уляну Петкова Йорданову (Болгария). Благодаря им я теперь получаю письма от своих читателей со всего света.

Отдельная благодарность моим чрезвычайно терпеливым родителям за их стойкость и умение достойно переносить мои иногда не совсем размеренные требования.

Огромное спасибо всем, кто читает мои книги, пишет отзывы, рецензии и вдохновляет меня на дальнейший труд.

Михаил Самарский

Глава 1. Из грязи да в князи.

Поговорка, вынесенная в название главы, обидная, чего уж там говорить – у любого вызовет досаду. Однако Осип Емельянович Брамс, несмотря на всяческие жизненные препятствия, обладал хорошо развитым чувством юмора, а в самоиронии видел одни только плюсы. Эти чудесные качества частенько выручали его и помогали находить решения, казалось бы, в самых уже безвыходных ситуациях. Именно потому вместо обиды Осип Емельянович, посмеиваясь про себя, нашёл своему нынешнему положению и другие не менее яркие определения, такие как «ворона в павлиньих перьях», «со свиным рылом в калашный ряд»... Что-то ещё крутилось в голове, но Брамс никогда не перебарщивал и не превращал самоиронию в занижение самооценки. Тем более, что все эти «грязные князья», «павлиньи перья», «калашные ряды» свалились на его голову точно гром среди ясного неба.

Конечно, у любого человека в жизни случаются неожиданности, но выйти на улицу для того, чтобы «стрельнуть» мелочи на опохмелку и «два кусочка колбаски», а уйти с неё миллионером, такое случается крайне редко. А, может быть, это и вообще единичный случай. Но, как говорят философы, случилось то, что должно было случиться.

* * *

Осип Емельянович отказался от работы у станции метро. Во-первых, полицейские стали до чёртиков прилипчивыми и избыточно принципиальными. Во-вторых, то ли у людей денег стало меньше водиться в карманах из-за этих дурацких пластмассовых карточек, то ли наши люди научились на западный манер скопидомствовать. А в-третьих, и это, пожалуй, самое главное, утром из метро народ в большинстве своём выходит хмурый, невообразимо злой, раздражённый и крайне вспыльчивый – могут и послать по известному адресу, и в лицо плюнуть, и даже отпустить унижительного пендаля.

Однажды у станции Университет один плохо воспитанный молодой человек так ударил Брамса ногой сзади, что травмировал ему копчик, в результате чего Осип Емельянович неделю не то, чтобы попрошайничать, даже ходить не мог самостоятельно. Хорошо, товарищи выручили: ухаживали, успокаивали, всякие примочки ставили, припарки, едой снабжали, внутренности целебной настойкой согревали. Последнее лекарство особенно помогало. По мнению больного, благодаря только ему, Ёся, как называли его друзья, в скором времени и поднялся на ноги.

И всё же (это нужно отметить особо), какие бы гадости не совершали люди, Брамс на них не обижался и всегда старался найти оправдание даже самому сомнительному поступку.

– Мы же не знаем, как он провёл ночь, – говорил Осип Емельянович, рассказывая о хулигане, нанешем вред его здоровью, – может, плохо спал, может, с женой поссорился, а возможно его в метро тоже кто-то обидел...

– И что теперь, – хмыкал сосед по подвалу Митя Акробат, – на людей, словно дикий вепрь, бросаться? Наверняка знал паскуда, куда бить. Обездвижил человека ни за что ни про что – сволочь он; чтоб он себе ногу сломал.

– Зря ты так, Митя, – успокаивал товарища Осип Емельянович, – ругать ругай, а зла никому не желай, зло оно, знаешь, всегда возвращается.

– Ага, – рассмеялся Акробат, – он тебе всё седло отбил, а мы ему давай пожелаем счастья, здоровья и поздравим с наступающим Новым годом. Тоже мне, гуманист нашёлся. А я предлагаю, встретить его в подземном переходе и начистить ему рыло, да так, чтоб он на всю жизнь запомнил.

– Ну, Митя, это ты уже загнул, – вступился за Брамса дед Акын, – он завтра соберёт банду отморозков, выследят, засекут нашу берлогу и вот здесь, в подвале всех нас похоронят. А найдут наши мумии только летом, когда начнут трубы теребить. Прекращай тут экстремизмом заниматься. Ёся ещё пару-тройку дней полежит, и отойдёт. Радуйся, что нас тут никто не трогает, вон недавно по радио говорили, где-то на окраине малолетки бездомного мужика пытались живьём сжечь. Избили и давай бензином поливать, хорошо прохожий заступился, разогнал извергов. А другой бы прошёл молча, и всё – нет человека.

– Жуть, – покачал головой Митя, – и тюрьмы собаки не боятся.

– Да кто их искать станет? – ухмыльнулся дед Акын. – Кому мы нужны, нищие и бездомные? Вон каких людей убивают и то не находят, а ещё на нас будут они время тратить.

Дед Акын оказался прав, вскоре пострадавший поправился и вышел «на работу». Выглядел Осип относительно прилично и даже можно сказать, харизматично: слегка потёртое тёмное пальто, правда, чуть великоватое, больше на один-два размера – напоминание о некогда сытной и тёплой жизни; ботинки не первой свежести, но всегда начищенные, ярко зелёный свитер, фиолетовый шарф с белыми разнокалиберными горошинами и, наконец, роскошная широкополая чёрная шляпа. Если бы не его просьбы, можно было подумать, что на прогулку вышел некто полузабытый актёр.

Легенда всегда была одна и та же: «Простите, уважаемый! Приехал в столицу из Воронежа (Ростова, Краснодара, Саратова, Волгограда... – во всех этих городах Осип Емельянович бывал, когда-то проживал, так что соответствующую тему о населённом пункте поддер-

жать мог на должном уровне), хотел подарков купить, да вот беда приключилась – обокрали, остался без копейки денег, помогите, пожалуйста, на билет, автобус вечером отходит». Обычно за полтора-два часа денег собиралось на согревающий напиток и закуску. Частенько случалось, что вместо денег давали сразу закуску, а совсем недавно Брамсу повезло и вовсе несказанно: весёлый мужчина лет сорока пяти на просьбу Осипа вынул из пакета бутылку дорожной водки, протянул её нуждающемуся и сказал:

– Брат, прости, все деньги истратил, на, вот, возьми в дорогу, всё веселее будет ехать.

Брамс поблагодарил доброго человека и на всякий случай поспешил удалиться домой, поскольку на закуску уже было «заработано».

Сегодня что-то день не заладился. Проторчав почти час у супермаркета, Осип Емельянович стал подумывать о смене дислокации. «Перейти к аптеке, что ли, – мысленно рассуждал он, – там люди могут быть добрее, сами ведь болеют, должны чувствовать боль...».

Подойдя ближе к аптеке, он потянулся было к шляпе, чтобы снять её и принять рабочий вид, как вдруг сзади раздался чей-то незнакомый голос:

– Осип Емельянович?

Брамс вздрогнул и, опустив руку, медленно обернулся. Перед ним стоял мужчина лет сорока, одетый с иголки, гладко выбритый и густо пахнущий дорогим парфюмом. В руках незнакомец держал кожаный портфель.

– Так точно! – почему-то по-армейски ответил Брамс.

– Очень хорошо! Просто замечательно! – обрадовался мужчина и протянул руку: – Ну, а я, как вы уже догадались, Фарберг. Фарберг Константин Евсеевич. Очень приятно, очень приятно, Осип Емельянович.

– И мне очень приятно! – буркнул в ответ Брамс, ничего не понимая, что происходит.

– Пройдёмте в машину, Осип... Если не возражаете, давайте без отчеств. Просто Осип-Константин. Не возражаете?

– Да нет, – пожал плечами Брамс, – не возражаю.

– Ну, и хорошо, – закивал головой Фарберг, – вы меня простите ради бога, Осип, но тут такое дело, секретарша моя перепутала время отлёта, потому я и переназначил вам время встречи на два часа раньше. Понимаете, самолёт у меня, оказывается, не в семь вечера вылетает, а в семнадцать. А эта курица только сегодня утром опомнилась. Хотел её немедленно уволить, но быстро отошёл. Вы знаете я очень отходчивый человек. А подчинённые мои этим часто пользуются. Может, это и хорошо. Не в смысле, что пользуются, а что человек я добрый. Вы как считаете?

– Ну, да! – кивнул Брамс. – Конечно, хорошо.

«Господи, боже мой, – мысленно взмолился Осип Емельянович, – кто это на мою голову свалился? На фээсбэшника похож – весь такой из себя, с портфелем, в галстук, фуражка какая-то диковинная, а в кармане, наверное, пистолет лежит. А если подумать, зачем я им сдался? Шпион я, что ли? Ёся, только спокойно, не волнуйся, тебе нечего бояться, если мужик и из ФСБ, то его моя деятельность «не интересует», для этого есть другая контора».

– Я вам звонил несколько раз, вы были недоступны, – продолжил незнакомец, – потому и написал в «вотсап» на всякий случай.

«Понятно, – мелькнуло в голове у Брамса, – он меня с кем-то перепутал. Нужно ему сказать об этом и уносить ноги отсюда, пока не поздно».

– Вы прочитали? – Спросил Фарберг, но, заметив на лице собеседника недоумение, он хлопнул себя по лбу и воскликнул: – Тьфу, дурак, что я спрашиваю? Вы же вот он, здесь, стоите передо мной! Естественно, прочитали. Совсем закрутился. Присаживайтесь, – Фарберг указал на стоящий рядом с аптекой огромный мерседес, – времени у нас мало. Но у меня всё готово.

Осип Емельянович, как загипнотизированный сел в машину на заднее сиденье, поздоровался с водителем, тот учтиво ответил, с другого борта к Брамсу подсел новый знакомый и сразу затарыхтел:

– Значит, смотрите, Осип, вот тетрадь, здесь есть всё. Я очень тщательно над ней поработал. Смотрите, на последней странице все пароли – от ноутбука, компьютера, от кредитки, тут даже код домофона есть, на случай утери кнопки. Вот ключи от моей квартиры, пока не забыл, телефон. Да, кстати, познакомьтесь, это Николай, Коля, он так и будет работать все три года водителем, пока я буду жить в Америке. Не стесняйтесь, звоните в любое время, Коля у нас очень ответственный товарищ, так что машина двадцать четыре часа в сутки в полном вашем распоряжении. Николай, ты тут помогай Осипу... Осипу...

– Емельянович я, – напомнил Брамс.

– Да, Осипу Емельяновичу, подсказывай, – сказал Константин и, обращаясь к Брамсу, продолжил: – Домработницу свою Дашу я тоже не стал увольнять, она в курсе, что вы будете жить у меня. Что делать она знает. Я же когда-то вернусь, зачем мне новые люди. Даша у меня работает двенадцать лет, очень порядочная тётка, очень, можешь ей доверять. У неё, кстати, тоже есть ключи... Так-так-так, что ещё? Ага, охрану на въезде во двор я предупредил, консьержку предупредил, с участковым поговорил. Вы сразу представляйтесь так: я Осип Емельянович, они все в курсе. В общем, всё в ажуре, работайте на здоровье. Осип, просьба та же: основное пожелание, чтобы у нашего романа был счастливый конец. Главный герой – Фарберг Константин Евсеевич, но это не говорит о том, что нужно стопроцентно описывать мою биографию, нет-нет, можете фантазировать, чтобы интересно было читать. Единственная просьба, главный герой должен быть положительным со всех сторон, ну, можно чуточку там согрешить с красивыми женщинами, выпить хорошего вина – это я люблю и не скрываю свои слабости. В общем, я в тетради все ключевые моменты описал, всё разъяснил, на крайний случай, если что-то будет непонятно, спишемся, созвонимся. Телефон я вам оставляю свой, вы представляйтесь как мой референт. Хорошо? В подробности можете не вдаваться, я думаю, первое время вам понадобятся, конечно, но постепенно отстанут. Я не хочу телефон брать с собой, это мука, будет трезвонить круглосуточно. Я как только доберусь до места, вам позвоню, номер определится, сохраните его, и мы будем всегда на связи. Просьба: без моего согласия новый телефон никому не давайте. Отвечайте так: Константин Евсеевич в командировке, вернётся через три года. И электронная почта там у меня настроена на моё имя, можете ею тоже пользоваться, только подписывайтесь референтом. Есть такая примета: хочешь построить новую жизнь, заведи новый телефон, новую почту, новые контакты. Отойди в сторону, пусть люди поживут без тебя. Даша и Коля не в счёт – это как члены семьи. Я говорю о бизнесе.

– А в отпуск вы будете прилетать? – неожиданно спросил Брамс, намереваясь объявить Фарбергу о том, что тот ошибся. Однако ответ Константина Евсеевича заставил Брамса погодить с разоблачением.

– Какой отпуск, Осип? Ты что? – Фарберг неожиданно перешёл на «ты». Я вернусь только через три года, когда стану богатым человеком. Понимаешь?

– Да вы вроде и так не бедствуете, – усмехнувшись, Осип кивнул на приборную панель автомобиля.

– Не бедствую, – согласился Константин Евсеевич, – но я говорю не о таком богатстве, хочется вернуться не просто богатым, а сказочно богатым человеком. Ты понимаешь разницу?

– Не очень, – смущённо признался Осип Емельянович и, испытывая неловкость, опустил глаза.

– Ладно, бог с ним с этим богатством, – махнул рукой Фарберг, – может, чем чёрт не шутит, понравится так, что останусь жить в США, как карта ляжет. Заберу с собой Николая, Дашу... Коль, поедешь жить в Америку?

– Как скажете, Константин Евсеевич! – бодро ответил водитель.

– Вот и прекрасно. Да, Осип, в офисе я тебе тоже кабинет выделил. Вдруг, с кем-то нужно будет встретиться, пообщаться, ну, чтобы домой никого не тащить, в офисе отличное место. И от квартиры рукой подать. Зама своего предупредил, он позаботится об интерьере и техническом обустройстве. Вот такие дела, дружище. Ну, что? – Фарберг взглянул на часы. – Пора мне! Давай, брат, с богом! Вдохновения тебе, творческого подъёма. Я верю, что всё у нас будет прекрасно. Устал?

– Есть немного! – кивнул Осип.

– Тьфу, чёрт, что же ты молчишь? Самое главное чуть не забыли, – Константин протянул Осипу кредитную карту. – Здесь аванс, как и обещал, пятьдесят процентов. Думаю, на три года тебе хватит. Ну, а если не хватит, пиши, звони, подкину ещё. Карта оформлена на меня, но сейчас это неважно, главное – знать пароль. Если пожелаешь, заведи карту на своё имя, я переведу деньги на неё. Ноу проблем! Нет никаких проблем, дорогой Осип Емельянович!

– А адрес? – робко спросил Брамс. – Куда ехать?

– Да вот же тут всё написано, – Фарберг ткнул пальцем в тетрадь, пошарил по карманам и, вынув пяти тысячную купюру, протянул её Брамсу: – мне она уже не понадобится, а тебе на такси пригодится. Вот портфель, складывай всё и поезжай домой, отдохни, а то ты, смотрю, какой-то потерянный. Да, и ещё один момент, у меня там полный гардероб шмоток, не стесняйся, подбери себе всё, что по душе, чего они будут пылиться. Там есть и новые вещи и раз-два одёванные. Пользуйся без всяких ограничений. Рубашки, костюмы, галстуки... а обуви там вообще вагон и малая тележка. Что там ещё? Ладно, сам разберёшься. Квартира в твоём распоряжении, кабинет в офисе есть, компьютер-ноутбук есть, домработница есть, водитель-автомобиль есть, деньги есть, что ещё нужно? Всё, давай.

Они пожали друг другу руки, и Осип Емельянович, прижимая к груди портфель, вышел из машины.

Автомобиль мгновенно исчез. Брамс ещё с минуту соображал, что это было, что произошло и как действовать дальше?

Изучив адрес своего нового жилища, Осип Емельянович мысленно произнёс: «Дурак я, что ли, тратить деньги на такси, здесь пешком максимум полчаса ходу. Пройдусь, свежим воздухом подышу, помозгую. По-моему, я вляпался в какую-то крупную авантюру...».

В этот момент к нему подошли двое полицейских, сержант и рядовой.

– Гражданин..., – обратился рядовой.

– Извините, товарищ, мы ошиблись, – сказал сержант и дёрнул коллегу за рукав.

Они отошли в сторону, Осип Емельянович прислушался, и, хотя те говорили довольно тихо, он всё же расслышал их разговор.

– Ты что? Чего ты к нему полез? – ругался сержант.

– А что? Ханыга какой-то! Документы нужно проверить.

– Сам ты ханыга, ты видел, из какой он тачки вылез?

– Из какой? – удивлённо спросил рядовой.

– Мерин чёрный, который ты рассматривал, когда мы в ту сторону шли.

– А я и не заметил, – оправдывался рядовой полицейский.

– Надо замечать, – наставлял коллегу сержант, – а портфель у него в руках видел?

– Я в них не разбираюсь, – пожал плечами рядовой. – Дорогой, что ли?

– Я точно название не помню, – сказал сержант, но что-то вроде «Тонни Перотти», по-моему.

– Сколько стоит?

– Да, наверное, подороже будет твоих жигулей, – усмехнулся сержант.

– Во люди жируют! – покачал головой рядовой полицейский.

Дальше Осип слушать не стал, он поторопился к своему новому жилищу. По дороге зазвонил телефон. Удивило имя абонента, сохранённое в трубке: Осип Емельянович, писатель.

– Да, ответил Брамс своему тёзке.

– Константин Евсеевич, это я Осип Емельянович, извините, поздно прочитал СМС-ку, чуть припоздал.

«Кто не успел, тот опоздал, – мысленно произнёс Брамс. – Чего ж ты, товарищ, опаздываешь, думал, что на свете ты один Осип, да ещё и Емельянович?»

– Извините, уважаемый, – стараясь как можно важнее, ответил Брамс, – Константин Евсеевич, улетел в Америку.

– Как улетел? Как же так? А роман? Вы кто?

– Я его реферат! – гордо ответил Осип Емельянович Второй.

– Кто-кто? – прозвучал удивлённый вопрос на другом конце провода.

– То есть... как его... рефери! – выпалил Брамс.

– Вы, наверное, хотите сказать, вы его референт? – подсказал собеседник.

– Именно это я имел в виду. Просто шучу, – Брамс почувствовал, как у него вспотела спина.

– А вы не подскажите, господин референт, что Константин Евсеевич решил с нашим романом?

– Подскажу! Тут вот какое дело: поскольку вы не приехали вовремя на встречу, написание романа поручено другому человеку, – ответил Брамс и, протянув руку с телефоном подальше шумно выдохнул.

– Я не пришёл на встречу? Это я не пришёл на встречу? – начал кричать абонент. – Да я вот стою здесь у аптеки, как дурак уже полчаса. И ни звонка, ни... ни... никого.

– Извините, Осип Емельянович, – спокойно произнёс, тёзка, – дело в том, что время вылета перенесли на семнадцать часов. Вот так получилось.

– Всё ясно, – остервенело закричал раздосадованный писатель, – ну вас к чёрту, аферисты!

В телефоне пошли короткие гудки.

«Баба с возу, кобыле легче!» – улыбнулся Брамс и бодро зашагал домой.

Однако мысли в голове Осипа Емельяновича наслаивались одна на другую, и чем ближе новоявленный писатель приближался к дому, тем сильнее ослабевали его ноги.

«Может, зря я не признался товарищу, что я это не я. Стоп, как это я не я? Конечно, я это я, и зовут меня Осип Емельянович, а о фамилии мы и вовсе не говорили. Ну, поручил мне Константин Евсеевич написать книгу, и что? Вот бумаги лежат в портфеле. У меня в распоряжении три года. Это с одной стороны не очень-то и много, вон уже скоро стукнет пятьдесят лет, а я и не заметил, как жизнь пролетела. А с другой – три года! Да это же уйма времени. За такой срок можно «Войну и мир» написать или там, например, «Гарри Поттера». Кто-то скажет, мол, ты не писатель? А вот тут извините, не боги горшки обжигают, да и сколько я книжек по молодости перечитал, вот теперь, садись и пиши. Чего ты дрожишь, как.., – Осип Емельянович долго подбирал, с чем сравнить своё дрожание, но так ничего на ум и не пришло. – Писатель хренов, – мысленно ругал он себя, – слова все забыл. Ну, скажи, например, дрожит, как осиновый лист. Нет-нет, я это где-то читал. Дрожит, как – во! – собака на морозе. Мда, напиши такое в книге, получишь в морду. Как собака. Ладно, бог с ними с

собаками, осинами, листьями. У меня есть три года! Читай, учись, пиши, и всё будет пучком, как говорит наш Митя Акробат.

Ё-моё! А что же я своим товарищам скажу? Надо будет им помочь. Интересно, пятьдесят процентов – это сколько? А вдруг миллион? Да нет, ну, какой миллион? Такое только в кино бывает. Говорит, на три года должно хватить. Ну, давай посчитаем. Какой там сейчас прожиточный минимум? Десять тысяч рублей? В год выходит сто двадцать тысяч. Верно? На три года – триста шестьдесят. Неужели человек вот так может запросто расстаться с такой суммой? Хотя, судя по тому, как он легко отвалил мне «пятёрку», отдал телефон, ключи от квартиры, говорит, пользуйся моим гардеробом... А менты! Те, увидев у меня в руках портфель, чуть в обморок не упали. Интересно, сколько он стоит? Так что всё возможно. Нужно зайти в сбербанк, проверить, сколько лежит на карточке и объединить свои потребности с возможностями. Да, совсем забыл, с какой целью, я вышел к аптеке – нужно зайти в магазин, взять шкалик, опохмелиться. Хотя дед Акын давно настаивает на том, чтобы мы завязали с бухлом. Говорит, ребята, сопьёмся и подохнем, как собаки. Верно говорит, бомжи почти все так и кончают. Хотя какой я бомж? Бомж – это кто? От аббревиатуры БОМЖ – без определённого места жительства. Но, даже живя в теперешнем подвале, я имею паспорт. Менты всегда раскрывают рот, когда проверяют документы. Они начинают с листа прописки, или как там сейчас говорят, регистрации, что не имеет никакой разницы – название поменяли, а суть-то осталась. Так вот, смотрят господа полицейские (это ж надо такое название придумали!), а там штампик – Москва, улица Ленина, и дом, и квартирка имеются. Всё! В чём меня можно упрекнуть? Иду себе и иду. «А я иду, гуляю по Москве!», – мысленно напел Осип Емельянович песню, – и отвяньте от меня. Вот так. В общем, Ёся, не дрейфь, чем ты только в жизни не занимался, а вот книги ещё не писал...».

Осип Емельянович вспомнил, как в детстве, влюбившись в одноклассницу Наташку, писал ей стишки. Однажды поделился с приятелем, а тот разболтал всему классу, и пришлось Ёсе весь второй класс ходить с прозвищем «Пушкин». После каникул всё подзабылось, но иногда прозвище всплывало, вплоть до окончания школы.

«Не зря, видимо, меня в детстве Пушкиным прозвали, – внутренне рассуждал Брамс, – это, возможно, божий промысел, рок! Правильно моя мама говорила (царство ей небесное): всё, что ни делается, сынок, к лучшему. Вот и посмотрим, мамуля моя дорогая!».

Глава 2. Лиха беда начало.

Осип не заметил, как подошёл к дому. Двор огорожен высоким забором, калитка наглухо заперта, сбоку кнопка. Гость даже не успел её нажать, как из невидимого динамика донёсся мужской басовитый голос:

– Слушаю вас!

– Я... это, – от неожиданности растерялся Брамс, – ну... в общем, я Осип Емельянович, – выпалил он.

Электрический замок зычно щёлкнул, и тяжёлая дверь, словно по мановению волшебной палочки, отворилась. Охранник выскочил из своей каморки, улыбаясь так, как будто во двор вошёл его самый близкий родственник.

– Мы вас давно ждём, Осип Емельянович, – объявил он, словно и впрямь с неделю ожидал гостя, – проходите, уважаемый, третий подъезд, вас проводить?

– Да нет, что вы! – смущённо ответил Брамс и, указав рукой на ближайший подъезд к воротам, спросил: – Это какой номер?

– Это шестой, дальше пятый, четвёртый, а вон ваш, в углу. Если что понадобится, обращайтесь. Дарья Андревна на месте, – именно так, с одним «е» в имени, сказал охранник.

«Хм, «обращайтесь». Интересно, что мне может понадобится от охранника?», – мысленно усмехнулся Осип Емельянович.

По пути к своему подъезду Осип Емельянович повстречал женщину средних лет, на ходу осмотревшую его с ног до головы. Пропустив гостя мимо себя, женщина остановилась и уже со спины принялась внимательно его рассматривать. Брамс почувствовал, как в спину ему воткнули два электрических провода и с силой крутанули «динамо». Перед самой дверью в подъезд Осип Емельянович вдруг окаменел – в голову внезапно впрыгнула безрассудная мысль: «А что если... – он даже зажмурил глаза, – ...если кто-то во мне узнает попросайку? Стыда ведь не оберёшься. Смотрите-ка, пейсатель, нашёлся! Ну, скажи, зачем ты сюда притащился, а, Гоголь-Моголь?»

Он с большим трудом каменной рукой вынул из кармана «пипку» для уличной двери и вложил её в электронное гнездышко. Дверь премерзко закрипела, Осип Емельянович потянул ручку и осторожно проник в подъезд.

* * *

Сразу вспомнились многочисленные приключения, связанные с ночёвками в подъездах в морозные ночи. Всякое случалось – и били, и просто выгоняли, и водой обливали, и ухо отрезать грозили (да и не только ухо), но всё же по личной спонтанной статистике Осипа Емельяновича хороших и добрых людей на свете оказалось гораздо больше. Брамс даже как-то, выпив лишний стакан согревающего напитка, учинил в подвале целую лекцию для своих сожителей, где утверждал, что человечество потому до сих пор и живо, что в целом не утратило чувства доброты и сострадания к братьям меньшим.

– Погоди-погоди, Композитор! – возмутился Акробат. – Ты сейчас это кого назвал братьями меньшими, нас, что ли?

– Ну, я имею в виду... эту... как её... социальную лестницу! – нашёлся Брамс.

– Какая ещё на фиг лестница? – наседал Митя. – Братья меньшие – это не люди, это собаки там, коты всякие, то есть животные домашние, а может и не только домашние. Понимаешь? Так, что, Ёся, я чувствую себя оскорблённым.

– Да сядь, ты не суетись, – одёрнул его Дед Акын, – сказано же тебе, он не животных имел в виду, а людей, таких как мы.

– А чем мы хуже? – не унимался Акробат.

– Хуже кого? – спросил Дед.

– Животных.

– Нет, ну вы посмотрите на этого балбеса! – прикрикнул Дед Акын. – Кто тебя с животными сравнивал?

– Он! – Митя ткнул пальцем в Брамса. – Братья меньшие – это животные, и скажи ему, чтобы он меня так не называл.

– Хорошо-хорошо, – замахал руками Осип Емельянович, – я не хотел тебя обидеть, просто ошибся.

– В следующий раз не ошибайся. Если мы сами себя будем собаками называть, конечно, другие нас тоже за людей считать не будут. Ты посмотри, что творится, у них и так спесь через край хлыщет, а тут ещё мы самоунижаемся. Вот тебе и доброта, и сострадание. Это они сегодня такие добрые – и кусок колбасы дадут, и хлеба, и стопарик могут налить, а завтра будут голодными, придут и у тебя всё отберут, а нечего будет отбирать, так и самого тебя съедят.

– Ты чего, Митя? – вздёрнул брови Брамс. – Разве можно с такими мыслями жить?

– А где мне других мыслей набраться? – усмехнулся Акробат. – Я университетов не заканчивал. Вот мой университет, – он раскинул руки и, указывая на стены подвала. – И на

моём веку, вот в таких подвалах знаешь, сколько я друзей и недругов схоронил? Ты сколько по подвалам шарахаешься? В смысле сколько, скажем так, бродяжничаешь?

– Лет пять, наверное! – ответил Брамс и вдруг спохватился: – нет-нет, около трёх лет, я первые два года, как ушёл из дома, у товарища жил на даче. А потом они её продали.

– Ну, вот! – цокнул языком Акробат. – А я – около пятнадцати. Так что ты мне тут о добре и милосердии не заливай. Поживи с моё.

– Но ты же как-то эти пятнадцать лет прожил? – возразил Брамс. – И сейчас живёшь, и из подвала нас не гонят. Старший дома знает, что мы здесь живём. Подошёл, по-человечески сказал, чтобы соблюдали порядок. На мороз не стал выгонять. А ведь мог прийти с полицией, взять за шиворот и вышвырнуть на улицу. И всё! Иди, ищи пристанище, пока найдёшь и замёрзнешь. Ты чего на жизнь жалуешься? В этом мире всё относительно, кто-то мечтает о таком подвале. А ты в тепле, и колбасу чуть ли не каждый день кушаешь.

Акробат тяжело вздохнул, махнул рукой и, упав на самодельный матрас, отвернулся к стене.

– Романтик, – бурчал он, – «доброта», «милосердие»...

* * *

Помня предупреждение охранника о том, что домработница Даша на месте, Осип Емельянович не стал использовать ключи, а просто позвонил в дверной звонок. Через несколько секунд тяжёлая массивная дверь медленно отворилась, на пороге стояла обаятельная, такая мягкая и душистая Дарья Андревна. Пахло от неё сдобой, да так вкусно, что Брамс не удержался и сглотнул слюну.

– Я...

– Осип Емельянович? – опередила женщина. – Проходите, сейчас будем пить чай. Я вам таких вкусностей приготовила, пальчики оближешь. Константин Евсеевич мне всё рассказал о вас, конечно, жизнь на даче отличается от московской квартиры, хотя там свои плюсы – свежий воздух и всё такое. Но вам писателям, сейчас без хорошего интернета никак нельзя, впрочем, он сегодня всем нужен. Я новые блюда нахожу в социальных сетях. Люди с удовольствием делятся разными рецептами, я тоже участвую в таких сообществах, мне нравится. Ну, что же вы стоите, Осип Емельянович? Раздевайтесь, проходите, вот здесь умыльщик, кухня прямо по коридору. Вид у вас какой-то уставший. Работали ночью?

– Угу, – кивнул Брамс. – Не доспал немного.

– Спать нужно обязательно! Сон – это здоровье. Ну, ничего, здесь у вас будут все условия, я уж постараюсь. Я когда узнала, что Константин Евсеевич уезжает в Америку, так расстроилась, чуть в больницу не попала, а он мне на следующий день объявляет, так, мол, и так, здесь будет жить писатель, и я остаюсь на своём рабочем месте. Если бы вы знали, как я обрадовалась. Константин Евсеевич – золотой человек. Работу сохранил, зарплату сохранил, живи – не хочу. Вы, Осип Емельянович, не стесняйтесь, давайте мне задания, я всё для вас сделаю. Жду вас на кухне.

Брамс, войдя в ванную комнату, чрезвычайно смешался. Первое, что его сразило, зеркало от потолка до пола и во всю стену. Посредине комнаты стояла огромная кубической формы ванна, наполненная кристально чистой водой, с четырьмя креслами внутри, по одному в каждом углу. Среди роскошных тумбочек и этажерок, банок-склянок, сверкающих ковриков, в огромном зеркале Осип Емельянович увидел маленького, робкого и какого-то подавленного человечка. Только через несколько секунд он сообразил, что это его отражение. Внезапно ему стало себя так жалко, что он прослезился. Вымыл тщательно руки, умывшись, расчесав щетину мелкозубчатой расчёской, Осип Емельянович проследовал на кухню.

Здесь Брамс тоже немного растерялся, всё дышало несказанной роскошью, он вспомнил, как в школьные годы они всем классом ездили на экскурсию в Эрмитаж. Вот там он только и видел такие стулья и обеденные столы, да и тарелки с ложками и вилками.

«Если тут так пьют чай, то как же они обедают?» – промелькнуло в голове у Осипа Емельяновича.

– Присаживайтесь, – запричитала Даша, – вы с чем пироги предпочитаете? Есть с капустой, картошечкой, ливером, рис с яйцом...

– Да мне всё равно, – махнул Брамс. – Какие дадите...

– Тогда с вашего позволения, Осип Емельянович, положу вам по одному каждого, а там уже определитесь, что вам больше понравится. Вы с чем выпечку обычно кушаете? Чай, кофе, молоко, кефир?

«Эх, Дарья Андреевна, – мысленно произнёс Брамс, – мне бы рюмашку-другую пропустить, тогда и пирожочки твои пошли бы как по маслу. Да вот только стыдно знакомство начинать с выпивки».

Если кто-то думает, что телепатия – это псевдонаучное заблуждение, пусть себе и живёт с этой контрпродуктивной мыслью. А вот Осип Емельянович Брамс убедился, что телепатия – это самая что ни на есть наука без всяких там легкомысленных приставок, типа «псевдо», «лже» и тому подобное. Судите сами.

Дарья пристально посмотрела на референта своего хозяина и вдруг из её медовых уст как гром среди ясного неба прозвучало:

– Осип Емельянович, я смотрю, вы напряжены, взволнованы, думаю, вам нужно отдохнуть, хорошенько поспать, расслабиться. Может коньячку?

Брамс смутился и покраснел.

– Да не стесняйтесь вы, это очень полезно перед сном, поверьте. Ну, так что?

– Ну, давайте попробуем, – сказал Осип Емельянович таким тоном, что его только что наконец-то уговорили выпить рюмку ненавистного им спиртного напитка.

«Рюмочка» выглядела большим пузатым бокалом с узкой горловиной, Брамс вспомнил, как в былые годы один словоохотливый официант на чьей-то свадьбе учил гостей, как правильно держать бокал с коньяком. «Опыт не пропьёшь!» – мысленно произнёс Осип Емельянович и поднёс бокал к носу. Закрыв глаза, он долго, насколько это было в его положении позволительно, нюхал божественный напиток, затем залпом осушил бокал. Одной рюмочкой дело не закончилось, но и перебарщивать не хотелось. Брамс сумел найти золотую середину, и вот оно, блаженство; наступило – состояние успокоенности, внутреннего удовлетворения и неопишуемого наслаждения.

Плюс ко всему, Дарья с первых минут знакомства завладела воображением Брамса – стройная, гибкая и необыкновенно красивая женщина. Но что больше всего понравилось «писателю» – поразительно заботливая. Она находила удивительные слова, простые и знакомые, но при этом обладающие какой-то непомерной гипнотической силой.

Проснулся Осип Емельянович под вечер. Первое, что он услышал, какое-то шуршание на кухне. Взглянув на напольные часы, стоявшие в углу, он вдруг обнаружил, что его вещей рядом нет, но на стуле висели безукоризненно выглаженные брюки, рубашка и джемпер, рядом на полу стояли махровые тапочки. Покрутив головой по сторонам и не обнаружив своей одежды, он, укутавшись одеялом, тихо позвал:

– Дарья!

Женщина тут же выросла на пороге спальни.

– Ну, вот, – воскликнула она, – посвежели, помолодели. Что значит хорошо выспаться! Вашу одежду я отправила в стирку, а вы вот надевайте, я тут всё подобрала по вашему размеру. Извините за вопрос, долго ли вы холостяжничаете? – неожиданно спросила Дарья.

Брамс, услышав необычное слово, отчего-то вздрогнул. – Константин Евсеевич рассказывал, что вы сами живёте... то есть не женаты. Верно?

– Верно! – кивнул Осип Емельянович и добавил: – почти пять лет как... как разбежались.

– Долго прожили? – поинтересовалась Даша.

– Двадцать лет, – уныло улыбнулся Осип Емельянович. – А потом что-то не заладилось. Не стали друг друга обманывать, жена с детьми осталась в квартире, я уехал на дачу...

На последнем слове Брамс осёкся. «Видела бы ты, Дарья Андревна, ту дачу, – мысленно усмехнулся он, – дачу и соседей по даче. Как вы там, товарищи мои дорогие? Небось, потеряли меня. Не волнуйтесь, скоро увидимся. Сегодня уже на ночь никуда не поеду, выплусь, отлежусь, а завтра навещу, гостинцы вам бродягам привезу...».

– Ладно, Осип Емельянович, – сказала Дарья, – жду вас на кухне.

Брамс, сняв со стула брюки, вздрогнул – он вспомнил, что в брюках, в заднем кармане, лежала пятитысячная купюра, но тут его взгляд упал на стул. Купюра, придавленная пятирублёвой монетой, лежала на паспорте.

«Ага, всё проверила: и паспорт, и прописку, и день рождения, и штамп о браке. Хотя что мне скрывать, я честный человек. Интересно, у моего тёзки какая фамилия? Знал ли её Константин Евсеевич. Вообще, интересный человек этот Фарберг – при встрече даже паспорт у меня не проверил. Говорю же, судьба! Только вот теперь нужно соответствовать своему новому положению – назвался груздем, полезай в кузов. Всё, Осип, нужно браться за ум. Смотри, как всё сложилось – ты же теперь уважаемый человек, писатель, состоятельный, при жильё, при автомобиле и даже при личном водителе...»

В этот момент зачирикал дверной звонок. Это приехал Николай.

– Всё, Осип Емельянович, шефа проводил, самолёт уже улётел, завтра ждите новостей. Вот второй комплект, – водитель протянул ключи от машины, – это ваш. Машину я поставил на наше место, первое справа от подъезда, техпаспорт, страховка в бардачке. Звоните в любой момент, я живу в соседнем доме, максимум десять минут и я у вас, вот мои телефоны: и домашний, и мобильный.

– А я в соседнем подъезде живу, – сказала Дарья. – Правда, это съёмная квартира, Константин Евсеевич нарочно для меня снял.

– А сами вы откуда? – поинтересовался Осип Емельянович.

– Ростов-на-Дону, слышали? – улыбнулась женщина.

– Не только слышал, – обрадовался Брамс такой новости, – я там по молодости, перед армией, работал на Ростсельмаше.

– Вот как! – всплеснула руками Дарья. – Считай, что земляки.

– Ну, да! – согласился Осип Емельянович. – Можно и так сказать.

– Во сколько завтра? – спросил Николай.

– Что во сколько? – сразу не сообразил Брамс.

– Готовить автомобиль, – уточнил Николай.

– А-а-а! – протянул Осип Емельянович. – Завтра у нас какое число? Тридцать первое декабря! Отдыхай, Коля, мне машина не скоро понадобится.

– Тогда жду от вас звонка! – предложил водитель. – Хорошо?

– Во! Это правильно! – с облегчением вздохнул Брамс.

Накормив подопечного, Дарья засобиралась домой.

– Вы в котором часу встаёте, Осип Емельянович? – спросила она.

– Дарья, у вас есть семья? – вместо ответа спросил Осип Емельянович.

– Сын взрослый, в армии сейчас.

– То есть вы живёте одна?

– Ну, да! – грустно ответила.

- Завтра у вас выходной, – объявил Брамс. – Договорились?
- Господи, боже мой, – всплеснув руками, запричитала Дарья, – да как же вы тут без меня? Ладно, завтрак, а пообедать, поужинать, нужно же что-то к праздничному столу приготовить. У вас гости будут?
- Даш, вы где планировали Новый год встречать? – спросил Брамс.
- Да где же мне его встречать? – усмехнулась Дарья. – Дома.
- С кем?
- Одна! – грустно ответила Дарья.
- Тогда вечером приходите ко мне. Часиков в пять-шесть вечера. Нарядим ёлку и будем вместе встречать год петуха.
- Так вы тоже будете сами Новый год встречать? – удивилась женщина.
- Ну, почему сам? – рассмеялся Осип. – С вами! Или вы отказываетесь?
- Нет-нет, не отказываюсь, – замотала головой Дарья, – просто неудобно как-то...
- Не переживайте, Даша, – всё удобно, всё будет хорошо! Жду вас.

Глава 3. Новых друзей наживай, а старых не забывай.

Первая ночь «в хоромах» прошла у Осипа в обнимку с бессонницей. За ночь Брамс обследовал всю квартиру, посидел в «писательском» кресле, включил компьютер, к его удивлению, он ни на волос не забыл, как им пользоваться, помнил и расклад клавиатуры, правда, операционная система оказалась незнакомой, но и в ней Осип Емельянович довольно быстро разобрался.

Но больше всего Осипа Емельяновича поразил бар Фарберга – это немыслимое многообразие и фантастическая разнокалиберность, такого ни в одном магазине не найдёшь. Брамс только полчаса читал названия различных напитков, от золота и серебра этикеток рябило в глазах. Какая мысль в этот момент могла прийти в голову человеку, в течение последних двух-трёх лет ежедневно «стрелявшему» мелочь у прохожих, чтобы купить на завтрак бутылку самой дешёвой водки и кусок колбасы? Всё верно: именно она первой и застучала изнутри по темечку.

«Ну, шкалик-то можно, наверное, пропустить? Что сказал Константин Евсеевич? Не стесняйся, Осип, мол, квартира в твоём распоряжении... Стоп! А с другой стороны, хозяин обо всём рассказал – об одежде, ботинках, компьютере, домработнице, водителе, кабинете, а вот об этом, – Брамс, – повёл рукой перед стеклянной дверью бара, – ни слова. К чему бы это? А вдруг это какая-то исключительная коллекция? Будет тебе потом шкалик. Из-за двухсот граммов какой-то вонючей жидкости испортишь себе всю карьеру. Вот, к примеру, что это за напиток? – Осип Емельянович осторожно вынул из шкафа бутылку. – Название незнакомое – «Diva». Ага, водка. Шотландия? Что за чертовщина? Разве в Шотландии могут делать водку? Там же эти как их... виски сплошные. Нет, ребята-демократы, вашу водку я бы пить не стал. Мы же не варим ваши виски, с чего это вы решили сварить наш национальный напиток? Так-так-так, а это что? Ну, тут согласен, это ваше – буржуйское, читали, знаем, пираты ваши жрали эту бурду – ром “Wray&Nephew“. Где родилась эта бутылочка? Ух ты – на Ямайке. Да, точно это не просто бар, это коллекция. Вон смотрю, тут и шампанское, и ликёры, а вот и виски. Пожалуй, не стану здесь ничего брать. Знаю я этих коллекционеров, имею опыт. Однажды ещё в школе, я побывал в гостях у одноклассника, он называл себя... дай бог памяти, этим как его... фанери... нет, фа... а, вспомнил – фалеристом. Это человек, коллекционирующий значки. Был грех, стырил я у него маленький значок с изображением эмблемы футбольного клуба «Спартак». И что вы думаете? Значков у него миллион, вся стена ими увешана – три простыни. И, несмотря на такое несметное количество, на следующий день одноклассник закатил мне скандал, и я был вынужден вернуть ему этот

злополучный значок, придумав красивую отговорку: мол, просто примерил на майку, что-то отвлекло и я забыл снять, не волнуйся, сегодня после школы пойдём ко мне и я верну. Да я и сам хотел принести в школу, но утром торопился и забыл. Конфликт был исчерпан. Вот какие бывают случаи с коллекционерами. Нет-нет, не стану рисковать. Приедет Константин Евсеевич через три года, окинет взглядом свой шкафчик и скажет: что же ты, Ося, алкаш беспробудный, выжрал бутылочку ямайского рома или пузырь шотландской водки? Точно, никак нельзя опозориться. Лучше сходим в магазин, купим бутылочку «Столичной» или «Московской», на крайний случай, можно в честь Нового года и подороже чего взять», — он хлопнул ладонью по карману, где дожидалась своей участи пятитысячная купюра.

Звук на телефоне пришлось отключить. Весь вечер Осип Емельянович объяснял разным людям, что он является референтом Фарберга, а сам Фарберг улетел в США и вернётся только через три года. Некоторые товарищи даже начинали материться в трубку, Брамс молча отключал телефон, но тут же телефон показывал на дисплее другого абонента и повторял надоевшую мелодию.

Лишь под утро Брамс, не раздеваясь, прилёг на диван и захрапел.

Проснулся Осип Емельянович от странного звука на кухне. Он приоткрыл дверь и понял, что гудит какой-то прибор — это, как оказалось, был блендер. Брамс вспомнил, как он дарил такой прибор жене. Она так тогда обрадовалась, в течение месяца потчевала всю семью разными коктейлями, и овощными, и фруктовыми. А потом поставила его на холодильник и два года к нему не прикасалась. До этого то же самое было с комбайном: порезала-порезала на нём кое-какие овощи, а через какое-то время прибор превратился в памятник. «Интересно, есть семьи, где всеми этими порождениями цивилизации пользуются регулярно на протяжении всей жизни, — думал Брамс, — или это игрушка на месяц-другой?».

Увидев Осипа Емельяновича, — Дарья виновато улыбнулась и спросила: — разбудила вас? Я уж и двери все затворила, но он, — она кивнула в сторону прибора, — так гудит зараза. Я вам тут витаминный коктейль приготовила, а то, смотрю, вы бледненький такой. Ясное дело, зима, но о витаминах всё же нельзя забывать. Тем более вам, работнику умственного труда.

Брамс, улыбнувшись, поблагодарил Дарью, и отправился в ванную комнату. Сегодня Осип Емельянович встретил в отражении вполне приличного гражданина. Нелепая придавленность и сутулость исчезли, человек по ту сторону стекла стал повыше ростом, улыбается, из глаз исчезло ненастье.

— Дарья, — объявил Осип Емельянович за завтраком, — я отлучусь на несколько часов, у меня сегодня деловая встреча, да и коллег нужно поздравить с наступающим праздником...

— Конечно-конечно, — не дала договорить домработница, — вы занимайтесь своими делами, я всё приготовлю, не переживайте.

Осип взглянул на дисплей телефона — тридцать девять пропущенных вызовов.

«С ума можно сойти! — мысленно воскликнул Брамс. — Теперь я понимаю, почему хозяин оставил телефон в Москве...».

— Так вы что решили? — спросил Брамс у Дарьи. — Новый год встречаем вместе?

— Если вы не возражаете...

— Что значит, если я не возражаю, — рассмеялся Осип, — я ведь сам вам предложил. Так что, придёте?

— Я уже здесь! — смутившись, ответила Дарья.

— Вот и отлично! — сказал Брамс. — Думаю, ёлку мы успеем нарядить?

— Вы в котором часу планируете вернуться домой?

Осип Емельянович вздрогнул, услышав слово «домой».

«Домой! — пронеслось в голове. — Да-да-да, именно так: домой! А почему бы и нет? Ну, и пусть временно, пусть на три года. Но это теперь мой дом, моё жилище. А как я должен ещё называть? Даже подвал я называю... называл домом. Дом там, где ты живёшь. Не знаю, за

что мне такие подарки, но, видимо, Бог оценил мою доброту к людям, мою порядочность, я ведь никому зла не сделал. Тёзку жаль, конечно. Но это, брат, конкуренция. Кто знает, может, я смогу лучше написать роман со счастливым концом. Как мой отец в детстве говорил: глаза боятся, а руки делают...»

– Ну, так что, Осип Емельянович? – окликнула Дарья.

– Да, – закивал Брамс, – да-да-да!

– Я спрашиваю, в котором часу вас ожидать? – усмехнулась Дарья.

– Сейчас у нас, – Осип взглянул на кухонные часы, – двенадцать? Думаю, за четыре-пять часов управлюсь. Крайний срок – шесть вечера. Что вам купить, Дарья?

– Ой, ничего не надо, – женщина густо покраснела и замахала руками. – Всё есть!

– Я имею в виду, – уточнил Осип Емельянович, – что вы употребляете из новогодних напитков? Вино, ликёр...

– Нет, Осип Емельянович, я спиртные напитки не употребляю...

– Даже на Новый год? – удивился Брамс. – Даже шампанского не выпьете?

– Мне нельзя, Осип Емельянович! – развела руками Дарья. – Даже шампанского.

– В каком смысле «нельзя»? Что-то со здоровьем?

– Нет, со здоровьем всё хорошо! – Дарья совсем растерялась. – Но... Константин Евсеевич... Понимаете...

– Ничего не понимаю, – Брамс выпятил нижнюю губу. – Что Константин Евсеевич?

– Мы с Николаем работаем у Константина Евсеевича только потому, что обещали ему за время работы никогда не употреблять спиртного.

– Даже на выходных?

– Пока работаем у него, да.

– Послушайте, Даша, – после непродолжительной паузы сказал Осип Емельянович, – но Константин Евсеевич далеко, в США. Неужели на Новый год нельзя выпить бокал шампанского?

– Извините, Осип Емельянович, – грустно ответила Дарья, – но я не могу обмануть человека, сделавшего для меня столько добра в жизни.

Позавтракав от души, Брамс отправился к своим товарищам. Перед выходом Дарья ахнула:

– Осип Емельянович, снимите вы, пожалуйста, это пальто. Во-первых, оно вам велико, а во-вторых, зачем надевать это... извините, это пальто, если есть совершенно новые и, не побоюсь этого слова, роскошные одежды. Смотрите, что я вам приготовила. А вот этикетка от этой куртки, то есть вещь ни разу и никем не одетая. Ну-ка наденьте, дайте я на вас взгляну.

Брамс облачился в куртку тёмно-коричневого цвета с меховым воротником и, застёгивая пуговицы, подошёл к зеркалу. Дарья Андреевна ахнула.

– Боже ж ты мой! – всплеснула она руками. – Это совсем другое дело. И ботинки нужно сменить, я эти почистила, но всё же потом нужно будет переобуться. Не волнуйтесь, я подберу.

– Спасибо, Дарья, – смущённо сказал Осип Емельянович, и протянул руку к дверной ручке.

– Пойдите! – воскликнула Дарья, и в её руках заблестел пульверизатор. – Давайте-ка я взбрызну вашу курточку.

Брамс узнал запах одеколона – впервые он унюхал его при встрече с Фарбергом.

– Достаточно-достаточно! – остановил заботливую женщину Осип Емельянович. – Спасибо, я убыл.

«Удивительная женщина! – мысленно восхищался Брамс. – Это надо же, не пьют они с Николаем. Прямо сатрапия какая-то. Ну, и Константин Евсеевич! Зверское условие, я бы

даже сказал бесчеловечное. Ну, ладно, женщина, но ведь Коля... Николай-то мужик, иногда и надо пропустить «соточку». Хотя с другой стороны, может, и правильно. Продумаешь, не бухает парень. Здоровее будет. А Дашка... прямо дух захватывает! Интересно, сколько ей годков? Под сорок точно. Сын в армии, если даже в двадцать родила, вот тебе и сорокетник. Хотя такая девка могла и в семнадцать родить, красавица... А чего это ты, Ёся, на чужих баб заглядываешься? Ты смотри, фантазёр какой. А что если, – у Осипа Емельяновича вдруг внутри всё похолодело, – если она любовница Фарберга? Ты смотри друг, не вляпайся, а то будут тебе и романы, и поэмы. Пожалуются мужику, приедут от него послы, пару рёбер поломают и вышвырнут на улицу. Ну, началось! Ёся, что ты сам себе жути гонишь? Ну, какие рёбра? Это просто домработница. Была бы любимой женщиной, разве он оставил бы её здесь? С его-то деньжищами? Забрал бы с собой, и глотал бы дальше её пирожки. Ладно, постепенно всё выясним. Но деваха славная, конечно, я бы сказал, кровь с молоком.

По дороге Брамс зашёл в супермаркет, купил продуктов – палку колбасы, белоснежный батон хлеба, консервов, сахара, несколько пакетов «доширака», банку растворимого кофе, шоколадных конфет, мандаринов и бутылку водки. Горячительный напиток выбирал долго. В конце концов, не поспешил, купил литровую бутылку премиум-класса.

«Если бы мне ещё вчера до встречи с Фарбергом сказали, что я сегодня буду по такой цене покупать водку, я бы разрыдался», – подумал Брамс. И тут его взгляд упал на вывеску «Сбербанк-24».

«Ну, что, Ёся, – обратился он к себе, – пора взглянуть на твой аванс! Интересно, а налог я должен буду заплатить? Наверное... да ты с ума сошёл? – опомнился Брамс. – Какой на фиг налог? Это же карта Константина Евсеевича, а у него, думаю, с налогами всё отлично – успешный бизнесмен».

Осип Емельянович вошёл в банк, в предбаннике находилось несколько банкоматов. Заметив над одним надпись «Снять-пополнить», он, вынув карту из внутреннего кармана пиджака, пристроился в очередь. Через несколько минут дрожащей рукой, он вставил карту в терминал, набрал пароль, и нажал кнопку «проверить баланс», аппарат поинтересовался, как хозяин карты желает посмотреть баланс – на экране или выдать чек? Брамс нажал кнопку «На экране» и зажмурил глаза. Через мгновение, только что открытые глаза вчерашнего попрошайки, полезли на лоб. Осип Емельянович едва не задохнулся, считая нули.

«Господи, прости мою душу грешную, – мысленно взмолился Брамс, – этого не может быть. Может, Константин Евсеевич ошибся, да не ту карту мне сунул? Это что такое? Что это за сумма? Это аванс? Да нет, точно ошибся, нужно срочно сообщить ему. Разве могут быть такие авансы? Три миллиона двести пятьдесят тысяч рублей...».

– Мужик, ты долго будешь пялиться в монитор? Ты чего застыл, как мумия египетская? Это не телевизор! Здесь тебе ни «Иронию судьбы», «Ни с лёгким паром» не покажут. Иди домой.

– Извините, извините, – попятился Брамс. – Извините.

– Вы куда, мужчина? – окликнула его дама из очереди. – Карту-то свою заберите.

– А, да-да! – Осип Емельянович метнулся к аппарату.

Выходя из помещения, Брамс услышал реплику юноши, который говорил что-то про телевизор:

– Какой-то придурковатый, честное слово.

– Да нет, – заступилась женщина, – ему, по-моему, плохо стало. Ну, бывает, – состраданно произнесла она.

«Нужно ещё в один сбербанк зайти, – подумал Осип Емельянович, – вдруг тут что-то не так сработало. Скорее всего, какой-то технический сбой в аппарате, нолик лишний нарисовал. Обязательно надо перепроверить...».

Через десять минут в другом отделении сбербанка всё повторилось точь-в-точь, за исключением, что проверка проводилась при полном отсутствии беспокойных клиентов.

Выйдя из банка, Брамс смахнул со лба капельки пота. «Хорошо, – думал он, – сообщить, конечно, Константину Евсеевичу нужно, но как это сделать? Я смогу поставить его в известность об ошибке только после того, как он мне позвонит или напишет СМС. Думаю, ребятам нет смысла докладывать, имею в виду Колю и Дашу. Они тут при чём? Ладно, сам разберусь... Сегодня вряд ли кто-то будет звонить, Новый год, суета, хотя вроде там, в Америке, время другое. В общем, Ёся, отставить суету! Аж голова разболелась. Чего переживать? Я ничего не украл, денег с карты ни копейки не потратил. Погоди-погоди, Ёся, ты как-то беспросветно отстал от жизни. Карта ведь на его имя! Наверняка он получает сообщения о тратах, о балансе. Вспоминай, как у тебя пять лет назад было? Не успел куда-то сунуть карту, как тут же СМС-ка прилетает: снято столько-то, баланс такой-то. Забыл, что ли? Если Фарберг перепутал карту и... А ведь для него это деньги не большие. Итак, что нужно сделать? А нужно провести какую-либо операцию, он увидит, что деньги сняты, увидит баланс, и сразу позвонит мне, я ему объявлю, так, мол, и так, вы товарищ Фарберг, карту свою мне случайно передали.

Осип Емельянович вернулся в безлюдный банк и решительно снял со счёта целых десять тысяч рублей. Реакции никакой не последовало.

«Ладно, – подумал Брамс, подходя к своему недавнему жилищу, – будь что будет, утро вечера мудренее!».

– Братва, вы здесь? – крикнул Осип во входное отверстие в фундаменте дома.

– А где же нам быть, Ёся? – раздался голос Акробата. – Ты куда пропал, твою мать. Мы уж тут и не знаем, то ли Новый год встречать, то ли поминки отмечать.

– Ни фига себе, – пробираясь под низкой балкой, прокряхтел композитор, – чего это вы поминать меня задумали? – Осип Емельянович зайдя в «гостиную» выпрямился почти во весь рост.

Акробат, присвистнув, аж подскочил!

– Дед, проснись, – закричал Митя и толкнул товарища, – ты посмотри на этого фрэера! – Он подошёл вплотную к Брамсу и пощупал куртку. Вдохнув аромат одеколona, он закатил глаза и выпалил: – Ёся, ты хату ломанул, что ли?

– Здорово, Ёся, – хрипло поприветствовал Дед Акын и, протерев кулаками глаза, спросил: – Где это ты так прибрахлился?

– С женой помирился! – соврал Осип. – Встретились вчера у магазина, разговорились, решили вот... пожить вместе.

– Эх, – махнул рукой Акробат, – ещё одного друга потеряли.

– Ты с ума сошёл, – прикрикнул Дед, – сожалеет он. Человек в семью вернулся, радуйся за него, а ты «потеряли»...

– Да шучу я – шучу! Конечно, радуюсь, – сказал Митя и добавил: – Я бы тоже помирился, но у меня всё безнадежно. С моей бесполезно говорить на эту тему. Хотя баба хорошая была, хозяйственная. Мы когда с ней жили вместе, я всё думал, куда она деньги девадет, а после развода стал думать, где она их брала.

Мужики рассмеялись. Акробат, кивнув на пакет в руках Брамса, спросил: – Что это у тебя?

«Эх, врать, так врать», – мысленно произнёс Осип и, поставив пакет в центр подвала, объявил:

– Мужики, с Новым годом вас! Я жене рассказал о вас, она передала вам приветы, поздравления и гостинцы.

– Хорошая женщина, – удивлённо произнёс Дед. – Большого сердца человек.

Митя в мгновение ока оказался чуть ли не с головой в пакете.

– Ё-моё, Дед, мандарины! Дай бог твоей жене здоровья! А это что? Ах, закусочка, а это... – он известным жестом изобразил бутылку, – не догадалась положить?

– Копай глубже! – рассмеялся Брамс.

– Ай-я-яй! – воскликнул Акробат и вынул бутылку водки. – Смотри, Дед! Вот это праздник! Есть такая примета: как Новый год встретишь, так его и проживёшь. Слушай, Ёся, сколько же такой пузырь стоит? Что тут написано? «Премиум» – с ума сойти! Блин, лучше бы она нам деньгами подарок передала! Да за эти деньжищи мы бы пять поллитровок купили. Это ж надо – такие деньги потратить! Слушай, Ёся, а ты того, не втираешь нам в ухо солидол?

– С чего ты взял? – нахмурился Брамс.

– Может, всё-таки, хату взял, а нам стесняешься признаться? – с ехидцей произнёс Митя.

– Хватит чушь нести, – остановил товарища Осип. – Делать мне нечего, как по хатам лазать. Говорю же, помирился с женой.

– Отстань ты от человека, – грозно произнёс Дед, – что за привычка, к нему с добром, с подогревом, а он допрос учинил. Какое твоё дело? Если и ломанул чего, зачем лезешь в душу? Захочет, сам расскажет, а не захочет, значит, не твоё это собачье дело. Понял?

– Понял-понял, – с обидой в голосе ответил Митя. – Мы же товарищи, вот и спрашиваю.

– Присаживайся, Ёся, – предложил старик. – В ногах правды нет. – И язвительно добавил: – Или боишься испачкаться?

– Ну, что Ёсь, – Акробат уже откупорил бутылку, – с праздником? Пропустишь с нами соточку?

– Ребята, мне нужно идти, отпросился ненадолго! Не хочется в первый день нарваться на скандал. Дел во! – он чиркнул ребром ладони себя по горлу.

– Мы не настаиваем, – закивал головой Дед, – семья – это святое. Водка на стол, все дела под стол. Иди, брат, только нас не забывай, навещай, по возможности «подогревай». С Новым годом тебя!

– С Новым годом! – повторил Митя. – Давай, пока. Семья – хорошо, но свободы уже, видишь, меньше. Счастья тебе, братуха.

– Дед, телефон твой фурычит? – вспомнил Ёся.

– Фурычит, только я его выключаю, чтобы зарядку подольше сохранять, ты хотел позвонить?

– Нет-нет, – улыбнулся Брамс. – Назови номер, я наберу тебя. Мой определится, ты его сохрани на всякий случай. Всяко бывает, – Осип Емельянович развёл руки в сторону, – позвонишь, если что.

Сохранив номер, Дед Акын, улыбнувшись, сказал:

– Передавай от нас привет супруге, низкий ей поклон.

Друзья-приятели пожали друг другу руки, крепко обнялись и распрощались.

По дороге домой Осип Емельянович с большой скидкой купил лохматую ёлку.

«Новый год, – мысленно ликовал Брамс, – и то верно: как его встретишь, так и проживёшь!»

Глава 4. Прошлое и настоящее – звенья одной цепи.

Вечером настырность телефонных звонков значительно поубавилась, а к полуночи аппарат и вовсе умолк. Брамс, будто в воду глядел, включил звук, и аккуратно прямо в первую минуту нового года по московскому времени раздался звонок. Осип Емельянович на миг растерялся и, показав определившийся номер Дарье, спросил:

– Интересно, кто это?

Та взглянула на монитор смартфона и, улыбнувшись, ответила:

– Это из США, думаю, Константин Евсеевич, он как-то и мне телефон на неделю остав-
лял, я едва с ума не сошла, аж язык заболел всем отвечать.

– Дарья, извините, мне нужно поговорить по важному делу, – не дослушав, выпалил
Брамс и почти вприпрыжку проследовал в сторону кабинета.

– Алё! – захлопнув за собой дверь, взволнованно начал Осип Емельянович. – Слушаю
вас!

– Осип, – донеслось из трубки. – С Новым годом тебя, дорогой. Ну, как ты там?
Смотрю, обживаешься!

– Здравствуйте, Константин Евсеевич, – робко ответил Брамс. – Спасибо, взаимно. Тут
у меня серьёзный разговор к вам...

– Что случилось? – голос Фарберга мгновенно изменился. – Что-то серьёзное?

– Нет-нет, не волнуйтесь, тут такое дело, Константин Евсеевич, вы карту не перепу-
тали?

– Какую карту? – удивлённо спросил Фарберг.

– Ну, кредитку, – пояснил Брамс, – которую мне передали перед отъездом.

– С чего ты взял? Я специально её заказал, это карта для тебя. Что-то не так?

– Всё так, всё так! Просто смотрю, сумма большая. Думаю, может, перепутали, свою
случайно отдали...

– Как большая? – недоумённо воскликнул Константин Евсеевич. – Там три миллиона
с чем-то, как и обещал половину, по курсу... Ты что за курсом доллара не следишь?

– Давно что-то не заглядывал, – ляпнул Брамс.

– Вы творческие люди, как не от мира сего! – рассмеялся на том конце провода собе-
седник. – Ладно, Осип, давай, пока.

– Ну, вы там как? Всё хорошо? – опомнился Осип Емельянович. – Устроились?

– Всё отлично, – радостно сообщил Фарберг, – даже лучше, чем ожидал. Номер
сохрани, если будут вопросы, звони. Проверь регулярно почту, я тебе там на днях кое-что
скину.

– Хорошо-хорошо, Константин Евсеевич!

Осип вернулся на кухню и объявил Дарье:

– Вы знаете, Даша, я решил проявить с вами солидарность и этот Новый год не выпью
ни капли спиртного! Вот так!

– Осип Емельянович, – запричитала Дарья, – да что ж вы из-за меня будете себе празд-
ник портить! Не обращайтесь на меня, пейте на здоровье! Праздник же!

– Разве праздник в этом? – Брамс кивнул в сторону бутылки шампанского. – Хватит, ну
их к чёрту эти праздники. Я решил, пока книгу не напишу, и капли в рот не возьму. Нужно
работать, а что за работа под хмельком! Верно?

– Наверное, вы правы, – виновато улыбнулась Дарья. – Буду теперь чувствовать себя
виноватой.

– Вы тут ни при чём, – махнул рукой Осип Емельянович, – я давно хотел с этим покон-
чить, а тут такой повод...

– Злоупотребляли? – спросила Дарья.

– Было дело, и злоупотреблял, – закивал Брамс. – И не замечаешь, как начинаешь лишка
употреблять. А последствия бывают тяжёлые. Так что, Дашенька, не корите себя, а наоборот,
примите мою искреннюю благодарность – ваш пример оказал на меня очень даже положи-
тельное влияние.

– Ну, слава богу, – рассмеялась Дарья, – а то я уж было подумала, что испортила вам
праздник.

После ухода Дарьи Осип Емельянович долго не мог уснуть.

«Может, и впрямь подумать о возвращении в семью? – размышлял он. – Ну, а что! Смирить гордыню, прийти к жене и сказать: всё осознал, одумался, прости подлеца. А вдруг скажет: прощаю, возвращайся, если, конечно, замуж не вышла. Хотя приятель-одноклассник осенью рассказывал, что «в связях порочащих замечена не была», так и живёт с детьми. А чего ты добился своей упрямостью? Танька – хорошая баба. Прожили столько лет, всё было хорошо. Да, она предложила развестись, да, она не захотела с тобой жить с дураком. А ты, идиот, вместо того, чтобы побороться за семью, жену, детей, начал в обиженного играть. Дескать, Танюха меня предала, наверное, нашла другого. Ну? А где он другой-то? Почти пять лет живёт, а других никаких и нету. Да ей просто надоело на твою пьяную рожу смотреть. Посмотрите, гордый какой – сказали, давай разведёмся, хлопнул дверью и ушёл. Что и кому ты хотел доказать? Ладно, ещё первые два года жил более-менее по-человечески, ходил на работу, вид имел приличный... А потом? Ёся, себя ведь не обманешь! В кого ты превратился? В самого настоящего БОМЖа. Плевать на аббревиатуру, я говорю сейчас о сути. Да, паспорт у тебя есть, есть прописка, но всё равно ты законченный бомжара. Андрюха, одноклассник, хозяин дачи, умер, жена через полгода дачу продала, с год скитался по друзьям, знакомым, а потом и вовсе скатился, то на вокзалах ошивался, затем по подвалам, и, если бы не эта встреча с Константином Евсеевичем, неизвестно, чем бы всё закончилось. За что я тебя хвалю, Ёся, так за то, что ты в последнее время резко сократил количество употребляемого алкоголя. Это ты молодец! Видимо, почувствовал, что скоро предстоит встреча со своей судьбой. А представь, если бы ты вышел попрошайничать опухший, с перекошенной рожей и залитыми глазами. Фарберг на тебя и не взглянул бы. Видишь, что значит побороть вредную привычку. Сначала курить бросил – жизнь заставила, надоело окурки подбирать. Затем выпивать стал всё реже и реже, дошёл до одного раза в неделю. Акробат даже заподозрил у меня какую-то страшную болезнь. Неделю доводил меня своими расспросами до белого каления, что да как?

Да, нужно сделать попытку примирения. Но попозже. Сейчас немного обживусь, начну писать книгу, а там посмотрим. Кстати, как же всё это начать? Прежде всего, как мне кажется, нужно составить список из ста, а лучше из двухсот великих книг и усиленно заняться их чтением. Где-то я слышал фразу, то ли по телеку, то ли по радио, один писатель сказал: чтобы писать хорошие книги, сначала нужно хорошие книги читать и желательно во сто крат больше, чем пишешь. А мне нужно написать всего лишь один хороший роман. Значит, сто книг будет достаточно. Нет, всё-таки двести лучше. Вот этим и займусь в ближайшее время. Нужно поковыряться в кабинете, книг там много. Посмотрим, что там есть. На крайний случай, есть книжные магазины. Спасибо тебе, боженька, – Осип вспомнил вдруг о боге, – не даёшь погибнуть, а тут ещё и миллионером меня сделал.

Поеду с Танькой мириться, – Осип снова мысленно вернулся к семье, – куплю ей духи и огромный букет из её любимых лилий. Что ещё взять? Возьму большую коробку конфет... Спиртное принципиально не стану покупать, скажу: в полной завязке, даже пива не употребляю. Обрадуется безмерно. Хотелось бы верить, а, может, просто пошлёт подальше и захлопнет дверь перед самым носом, и всё перемирие. Бог его знает, что у неё на уме. Затянул ты, Ёся, с возвращением, очень затянул. Но всё же попытка – не пытка. Нужно всё тщательно спланировать, чтобы не опозориться...».

В новогоднюю ночь Брамсу приснился странный сон, если не сказать страшный. Видимо, планирование наяву плавно перетекло в царство Морфея. Сначала всё шло прекрасно: Осип Емельянович на роскошном автомобиле, которым управляла Дарья, прибыл в крупный торговый центр, поднялся по эскалатору на неслыханную высоту, там расположился огромный парфюмерный магазин. Брамс долго-долго выбирал духи, нюхал их, брызгал на руку, но, странное дело, запаха не чувствовал, его это расстраивало невероятно, но пришлось довериться продавцу-консультанту. Проснувшись, Осип Емельянович страшно

расстроился из-за того, что не посчитал количество купленных во сне пузырьков с духами. Но на этом сон не заканчивался. Выйдя из магазина, он продолжил свой путь на Ленинский проспект. За рулём уже сидел Николай и всю дорогу восхищался запахами, исходящими от пассажира. У дома Осипа Емельяновича ждала весьма неприятная новость – прямо у подъезда стоял гроб, а в нём... жена Татьяна, красивая и молодая. Брамс разрыдался и стал причитать: «Танечка, Танюша, милая моя, ну, что же ты не дождалась меня?». Рядом с гробом стояли их дети – Павел и Катерина. Дальше он не помнил.

Проснулся Осип Емельянович с мокрыми от слёз глазами. Всю жизнь он смеялся над людьми, которые верили в сны, но тут не выдержал и среди ночи сам полез в интернет проверить, что же это всё означает. Поисковик успокоил расстроившегося пользователя: оказалось, всё отлично – и духи, и гробы, и покойники сняты к любви и счастливой жизни.

«Ну, слава богу! – прошептал Брамс. – А то чуть сердце не остановилось...».

Он разделся и, бухнувшись в кровать, мгновенно уснул, надеясь увидеть во сне счастливую развязку.

Первого января Осип Емельянович, позавтракав, вышел на, как он её назвал, творческую прогулку. Долго бродил по парку, глазел на белок, даже пытался покормить их с руки, но те с опаской смотрели на него и отказывались от угощения, в то же самое время с удовольствием харчевались с руки весёлого мальчугана лет шести-семи.

– А у меня почему-то не берут, – пожаловался Брамс мальчику.

Тот посмотрел на мужчину, как показалось Осипу Емельяновичу, снисходительно, и спросил:

– А вы часто тут бываете?

– Первый раз, – оторопел Брамс и спросил: – а разве это имеет значение?

Мальчик звонко рассмеялся и сквозь смех воскликнул:

– Ну, конечно, имеет! Они же вас не знают, дядя. Я тут каждый день бываю, белки всегда у меня берут орешки, а когда мы с бабушкой уходим, провожают до самых ворот. Они очень умные. Вы главное не ругайтесь на них, они должны к вам привыкнуть.

– Боже упаси, – усмехнулся Осип Емельянович, – чего же я буду на них ругаться. Ну, не хотят, так не хотят...

– Ага! – возразил мальчик. – Тут один дядька так их ругал, даже обозвал их. Говорит, не белки, а свиньи неблагодарные. Обиделся, что купил им целый пакетик орешков, а они не захотели их кушать.

– Дядька, наверное, был..., – Брамс запнулся, раздумывая, стоит ли продолжать свою мысль, но решил никаких предположений вслух не произносить.

Малыш оказался на редкость сообразительным и сам выдал:

– Дядька был пьяный, потому и ругался. Он ушёл, а белки над ним смеялись.

– Во как! – разинул рот Осип Емельянович. – А как ты определил, что они смеялись?

– Они хвостом машут по-другому, – заявил мальчуган.

«Вот кого нужно в соавторы брать, – мысленно произнёс Брамс, – какая безудержная фантазия: это ж надо – белки у него смеются, да ещё и с помощью хвоста...».

На выходе из парка с Осипом Емельяновичем случилось из ряда вон неприятное происшествие. Почувствовав сильную жажду, он подошёл к ларьку и, протянув продавцу деньги, заказал:

– Бутылку минералки без газа, пожалуйста.

Отойдя в сторону, Брамс раскупорил бутылку и, сделав несколько глотков, направился к выходу.

– Мужик, погоди, – окликнул его мужчина, – здорово!

– Здравствуйте, – встревоженно ответил Осип Емельянович.

– Дай-ка я на тебя ближе посмотрю, – мужчина подошёл вплотную и в упор стал рассматривать Брамса. Через полминуты неловкого молчания, он вдруг спросил: – Слушай, а это не ты у метро Университет постоянно бабки строчишь?

Осипа Емельяновича бросило в жар и у него перехватило дыхание. Несколько секунд он растерянно смотрел на незнакомца, затем выдавил:

– Что вы такое говорите, уважаемый?

– Ты это, не коси тут под дурака, а то как накачу сейчас по кумполу, – замахнулся мужчина, он явно был под хмельком.

«Это не тот товарищ, которого белки на смех подняли? – промелькнуло у Брамса в голове, и он дал себе приказ: – Дай ему, Ёся отпор! Нужно держать марку, а то быть беде».

– Вы что себе позволяете, я сейчас полицию позову! – решительно и громко произнёс Осип Емельянович и добавил: – Вы перебрали, гражданин? Так идите домой, проспитесь.

– Я перебрал? – заорал незнакомец. – Да ты мне неделю назад втирал, что тебя обокрали и тебе срочно нужно ехать в Саратов. Я тебе ещё полтинник дал. Забыл, что ли, аферюга?

– Вы меня с кем-то путаете! – заявил Брамс.

Неожиданно за Осипа Емельяновича заступилась продавец из ларька, окликнув выпившего гражданина.

– Борька, отстань от человека, – крикнула женщина в окошко, – разуй глаза, не видишь, что ли, человек приличный, ты чего докопался до него, тоже мне, нашёл побирушку. Отойди от него!

– Не лезь не в своё дело, Зина, – прикрикнул гражданин, – у меня зрительная память очень хорошая. – И обращаясь к Брамсу, продолжил предъявлять тому претензии: – Так что, мужик, будем колотиться или нет?

– Отстаньте от меня, – увидев проходивших мимо полицейских, закричал Осип Емельянович нарочно громко.

«Что они мне сделают? Этот придурок пьян, паспорт у меня есть...»

Брамс всё рассчитал чётко – полицейские немедленно отреагировали и подошли к ним.

– Что случилось? – спросил один из стражей порядка.

– Ничего! – раскинул руки пьяница. – Вот, мошенника поймал. Он возле метро постоянно побирается.

– Ваши документы! – потребовал полицейский.

– И мои? – удивлённо спросил Борька.

– А вы что, исключение? – усмехнулся сержант.

– Да я, вообще-то, ничего плохого не сделал! За что вы требуете мои документы?

– Вы нарушаете общественный порядок, – листая паспорт Брамса, ответил полицейский. Убедившись, что перед ним стоит вполне приличный, трезвый, недалеко проживающий москвич, сержант вернул Осипу Емельяновичу документ и спросил: – Вы имеете претензии к гражданину?

– Да нет, – пожал плечами Брамс, – пусть идёт домой, проспится, а то ему тут ещё Шерлок Холмс привидится.

Полицейские рассмеялись, Осип Емельянович торопливой походкой направился домой.

Глава 5. Счастье без ума, что дырявая сума.

Случай в парке подействовал на Осипа Емельяновича ошеломляюще. Он вспомнил, что по дороге в парк он видел салон с названием что-то вроде «Оптика». Выйдя за ворота Брамс напрямик направился туда, тем более, он стал замечать, что газетный шрифт ему читать с каждым днём труднее и труднее. Он вспомнил, как в детстве бабушка, преподавав-

шая в начальных классах, частенько, успокаивая внука по тому или иному поводу, приговаривала: «Ёсик, миленький ты мой, в каждой негативной ситуации можно найти какие-то положительные моменты, всё зависит от тебя!». Всю свою жизнь Брамс находил подтверждение этим словам. Вот и теперь он мысленно произнёс: «Нет худа без добра».

В салоне Осип Емельянович объяснил продавцу очков, что у него падает зрение и, приврав, заявил:

– Мне бы с затемнением, а то свет раздражает глаза.

– Пять сек, – женщина немного поворковала над ним, проверила зоркость, затем подобрала линзы и, в конце концов, приняв оплату, предложила посетить салон через два дня.

– А быстрее нельзя? – нахмурившись, спросил Брамс.

– К сожалению, – развела руками женщина, – это кратчайший срок.

– Ясно, – Осип Емельянович собрался уходить, но вдруг его осенила мысль: – А вы доставку не сможете сделать? – Увидев замешательство женщины, он добавил: – Я хорошо заплачу.

– Хорошо – это сколько? – поинтересовалась женщина-продавец.

– Ну... а сколько вы хотите?

– У нас нет доставки, но я после работы могла бы вам их завезти. Вы где живёте?

– Да здесь, недалеко, – кивнул в сторону Брамс и назвал адрес. – Скажите, сколько вы хотите?

– Пятьсот рублей! – объявила женщина.

– Идёт! – согласился Осип Емельянович. – Дайте листок, я запишу адрес...

По дороге домой Брамс мысленно ругал себя за небывалую расточительность. «Посмотрите на него – миллионер нашёлся! «А вы доставку не можете сделать?», «Я вам хорошо заплачу»... Нет, это ж надо так обнаглеть?! Три дня назад стоял с протянутой рукой, а тут...» У него даже промелькнула мысль, а не вернуться ли в магазин и отменить доставку. «Ну, а чего, скажу, обстоятельства изменились, у меня, мол, послезавтра выпал выходной, сам приду за очками». Но вспомнив назойливого товарища из парка, Осип Емельянович махнул рукой. «А вдруг ещё кто-то узнает и начнёт верещать на всю ивановскую, нет уж, бог с ними с пятьюстами рублями. Я думаю, в очках меня никто не узнает.

Дома Брамс первым делом гладко выбрился и, улыбаясь от уха до уха, долго-долго рассматривал себя в зеркало. Видом своим Осип Емельянович остался доволен, а после получения очков и вовсе пришёл к выводу, что теперь его даже бывшие сожители Акробат и Дед Акын вряд ли узнают. Во всяком случае, Дарья, взглянув на писателя в очках, ахнула:

– Осип Емельянович, вот честное слово, встретила бы вас на улице, прошла бы мимо, не узнав, выглядите просто бесподобно.

– Правда? – довольно улыбнулся писатель. – Спасибо, Даша.

– Может, вам для солидности усы отпустить? – предложила Дарья.

– Да ну их к чёрту! – махнул рукой Брамс. – Устал я от этой растительности на лице, – он похлопал себя по щекам, – пусть лицо отдохнёт.

Вечером Осип Емельянович приступил к работе – долго думал, как назвать свой будущий шедевр, но ничего толкового в голову не приходило.

«Не зря же говорят, – рассуждал он, – как корабль назовёшь, так он и поплывёт. А тут роман – дело нешуточное. Название должно схватить читателя за горло и не отпускать до самого последнего слова. Эх, смотрю я на тебя, Ёся, и диву даюсь. Кто ты такой? Ну, вот сам себе честно признайся, кто ты есть? Не знаешь? Знаешь-знаешь, просто хочешь сам себя обмануть. Но обмануть самого себя – это дело... это... в общем, и думать нечего. Ворона ты в павлиньих перьях – вот ты кто! А что же делать? Может, позвонить настоящему Осипу, да всё честно рассказать? Пусть мужик пишет... Но у этой медали есть и другая сторона: тогда придётся мне выметаться из квартиры, передать ему все деньги, бумаги... А куда же

я? Опять в подвал? Нет, это... это абсурд. Да и не имею я права без разрешения Константина Евсеевича распоряжаться его квартирой. А вдруг этот прозаик окажется таким же писателем, как я. Умыкнёт деньги, обернёт квартиру и ищи потом ветра в поле. А виноват-то буду я. Фарберг скажет: да мне плевать, кто ты и что ты, я тебе доверил написание романа, ты и несёшь ответственность. Нет, здесь, как говорится, поезд ушёл и его уже не догнать. Да и чего ты расхныкался. Ныряй с головой в библиотеку и начинай денно и нощно трудиться. Всё – приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Главное теперь – не сдаваться!».

Воскрылённый собственными призывами и бодрими словами, Осип Емельянович вошёл в интернет и вписал в поисковую строку фразу «как написать хороший роман».

И тут у Брамса голова пошла кругом. Нажав на первую же ссылку, он получил и первый совет: «Вы должны вразумительно ответить самому себе: нужно ли вам это. И если у вас есть железная мотивация, приступайте к созданию литературного шедевра прямо сейчас, без ребяческих отговорок и напрасных отлагательств. Учтите, что ваш успех зависит от первого шага, и чем скорее вы его сделаете, тем больше у вас шансов стать большим писателем».

«Ну, ничего себе совет, – хмыкнул Осип Емельянович, – впрочем, обнадеживающе! Да, всё верно, нужно отбросить сомнения и не тянуть резину. Что у нас там дальше?»

Советов было очень много, но Брамс уяснил самое главное: нужно научиться видеть. Нет-нет! Не просто видеть, а замечать всё необычное в жизни. Кого удивишь обыденностью и банальностями? Читатель должен найти в книге то, что вроде находится рядом с ним, но раньше он этого просто не замечал или думал, что это его не интересует. А нужно сделать так, чтобы человек увидел в простом что-то необычное, в мелком – великое, в сером – яркое и многоцветное. Не каждый замечает то, что дано увидеть художнику, и вот тут как раз писатель должен выступить в роли экскурсовода по прозе жизни, показывая занимательные события и превращая рутинную каждодневность в непредсказуемое приключение.

Кроме того, Осип Емельянович согласился с советчиками, что нужно круглосуточно иметь при себе блокнот, в который он должен будет записывать идеи, интересные фразы, пословицы, поговорки. Плюс ко всему, можно интересную информацию получить из интернета. Иными словами, не надо относиться к предстоящей работе, как к чему-то неодолимому. Как там пелось в известной песенке? «Если долго мучиться, что-нибудь получится!».

Побродив по тематическим сайтам, Брамс неожиданно обнаружил заманчивое объявление. Звучало оно немного самонадеянно, но всё же вселяло определённый оптимизм: «Мечтаете о карьере писателя? Обращайтесь, помогу вам стать классиком. Консультант-литератор».

Несмотря на слишком уж большой апломб объявителя, Осип Емельянович не удержался и позвонил по указанном телефону.

– Леонид Исаакович Вонверг у аппарата, – торжественно прозвучало в трубке.

– Здравствуйте, – робко произнёс Брамс, – я по объявлению.

– Извините, уважаемый, уточните по какому именно, – предложил собеседник.

– О карьере писателя, – сказал Осип Емельянович.

– Да-да, это ко мне! Что пишем?

– Пока ничего, – пояснил Брамс, – но хочу написать роман со счастливым концом.

– Счастье, любезнейший... Да, кстати, вас как звать?

– Осип Емельянович, – представился Брамс.

– Очень приятно! Так вот, уважаемый Осип Емельянович, счастье – понятие весьма и весьма широкое и неоднозначное. Что значит счастливый конец? Какова была цель главного героя? Чего он хотел добиться и чего он, в конце концов, добился? Если всмотреться в глубь этого вопроса, то счастье окажется понятием нравственного сознания, показывающее состояние человека, соответствующее его максимальной душевной удовлетворённости жизнью и деятельностью, глубине и осмысленности бытия, в конце концов, его истинному месту и

назначению. Вы должны, любезнейший Осип Емельянович, однозначно принять, как аксиому, что счастье является эмоционально-чувственной проекцией понимаемого индивидуумом идеала. Мы также не можем с вами, дорогой автор, не учитывать и то, что, как учили классики марксизма-ленинизма, стремление человека к личному счастью в отрыве от общественных целей, неотвратимо превращается в противоестественное и отвратительное себялюбие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.